

За четыре года Великой Отечественной войны Константин Симонов, один из самых отражных и деятельных фронтовых корреспондентов «Красной звезды», повидал очень много... Он был в июле сорок первого лод Могилевом в наших частях, которые прорывались из окружения. В Крыму, на Арабатской стрелке, ходил в атаку с пехотинцами. За Полярным кругом высаживался в тыл врага. Был в окопах стоявших насмерть защитным в Сталинграда. Он ездил в осажденную Одессу и на Курскую дугу. Участвовал в боевом походе подводной лодни илетал к югославским партизанам, был на первом процессе военных преступников в Харьном Освенциме, видел упорное сопротивление немцев в Тернополе и подписание Кейтелем безоговорочной капитуляции Германии. А ведь здесь перечислено далеко не все... Но как ни богаты и разнобразны были фронтовые наблюдения писателя, после войны, работая над новыми промаведениями, он продолжал со свойственными ему упорством и целеустремленностью пополнять запасы жизненного материала. И в военных архиместной и териала. И беседуя с множеством участников войны — среди них были саперы и танкисты, пратиллеристы и разведчики, пехотинцы и врачи, рядовые и такие видные военачальники, как маршалы Жуков, Конев, Василевский. В его архиве тысячи страниц стенограмм этих подробных бесед.

Обширнейшая (пожалуй, и этим словом не передать е епгантские масштабы) переписка, ноторую вел писатель, — тоже один из важнейших каналов пополнения этих знаний. Публикуемые в этом номере письма связным с двухтомником фронтовых записок Симонова «Разные дни войны». Они раскрывают историю возным с вектантские масштабы, и зважним фронтовых записок имоное но посамым разным поводам письма.

Л. ЛАЗАРЕВ

Д. И. ОРТЕНБЕРГУ!

ОРОГОЙ Давид, отвечаю на поставленные тобой в приказном порядке во-

1. Почему я перешел в га зете со стихов на прозу? Придется вернуться к началу, к Халхин-Голу. Насколько мне не изменяет память, вызван я туда был именно как поэт, и ничего другого мне писать и не предлагалось. Я должен был писать стихи, прозаиков было достаточно: Ставский, Славин, Лапин, Хацревин, которые (последние двое), правда, и сами могли писать стихи, но все-таки я был вызван как поэт, которого не хватало в газете. И. видимо, те стихи, сюжетные, главным образом связанные с реальными историями, о которых я узнавал на ходу на фронте, и были они видимо, эти стихи в какой-то мере удовлетворяли мое стремление рассказать на газетной полосе о реальных событиях (а не только откликнуться на них стихами). А форма была выбрана стихотворного рассказа. Если проанализировать эти стихи, то, в сущности, большинство из них - это стихотворные рассказы, это то, что я мог бы, в сущности, написать на газетную полосу и в

Когда я поехал на Западный фронт, я написал два или три стихотворения для газеты «Красноармейская правда», но они, так сказать, родились от того, что на меня смотрели как на поэта, я был известен больше как поэт к тому времени, а поэт должен дать стихи в газету, но мое внутреннее ощущение было, что я должен видеть то, что происходит, и писать об этом, и писать, естественно, в прозе, потому что я рассматривал, самоощущал себя в данном случае не себя как корреспондента, как человека, который должен вот сегодня на газетной полосе рассказать о гом, что он вчера увидал. Так. худы ли они или хороши, в общем, они скорее худы, чем хороши, и одились мои первые очерки в «Известиях», очерки очень еще неопытного газетчика, достоинство у них было только го, что за ними стояло под-

линно увиденное. Когда я вернулся с Запад-ного фронта, и был назначен

1 Д.И. Ортенберг был в 1939 году редактором газеты наших войск на Халхин-Голе наших войск на Халхин-Голе «Героическая» красноармейская», а в годы Великой Отечественной войны — редактором «Красной звезды». Публичуемое письмо представляет собой ответы К. Симонова на вопросы, возникшие у Д. Ортенберга в связи с работой над кингой воспоминаний (Д. Ортенберг. «Время не властно». Издательство «Советский писатель». М. 1975. Второе издание — 1979).

Константин Симонов и маршал И. С. Конев на рыбалке

SOTO B. MACTIONOBA

сто писал корреспонденции.

Когда я находился там, где не

было машинистки, и не было возможности такой, я писал,

писал и разборчиво переписы-

вал, и в начале войны, и в се-

редине, всегда, когда я писал

после фронта, передавал, почти

всегда я не диктовал, а писал

корреспонденции. Когда выхо-

дило, что машинистка оказы-

валась рядом - диктовал, ког-

да не выходило этого — писал

и передавал на узел связи ру-кописи. [...] У меня никогда не

было смущения перед челове-

ком, которому я диктую, может

быть, этому помогло на пер-

вых порах даже — индивиду-

ально, что я диктовал Музе

Николаевне Кузько, она была

такой прекрасный, заинтересо-

ванный в событиях человек, да

вообще машинистка, которой

ты диктовал в то время — я

ли, другой - о войне, или сте-

нографистка — им хотелось же знать, что происходит на

фронте, поэтому ты диктовал

заинтересованному слушателю,

ты как-то общался, ты не то

что, так сказать, не стеснялся,

а наоборот — рассказывал как

бы человеку прямо то, что ты

видел. У меня не возникало никогда вот этого барьера, кото-

рый мне препятствует написать

то, что я думаю, и то, что я

чувствую в присутствии челове-

ка, который на стенограмму

ти на машинку это переносит.

Четвертый вопрос, как я по-

нял, — с какими целями я вел дневник? Я вел дневник, пото-

му что у меня было ощущение,

то надо закрепить в памяти

о, что я видел, что это важно.

Где-то уже к середине войны

пришло ощущение, что записан-

ное во время войны, записан-

ле войны и что дневники, записи. блокноты - все это пона-

ное так, как оно было, будет

нужно после войны, если бу-дешь писать о войне. Я даже

об этом писал, ты можешь найти об этом упоминание, ви-димо, в 43-м году я об этом

писал. Значит, сознание важ

ности дневников пришло еще

в середине войны и сознание

важности не только как доку-

мента, но как источника буду

щей работы над военной темой

Я укреплялся, постепенно ук-

буду писать о войне, если, так

сказать, слава богу, будем жи-

вы, и после войны, потому что

сначала написал «Русские

люди» — было ощущение, что

какое-то дело нужное сделал и

что не все еще, конечно, при этом сказал, что надо к этому возвращаться. Потом, когда уже написал первую серьез

ную прозу. «Дни и ночи», —

было ощущение, что, наверно,

и о других событиях надо бу-

дет рассказать в прозе потом.

а не только о Сталинграде того

периода, о котором я написал

У меня параллельно с рабо-

той укреплялось это ощущение,

в «Днях и ночах».

реплялся в ощущении, что

Поэтому у меня в общем сохранились блокноты, я их не рвал и не истреблял, пропали те, которые пропали по несчастному случаю — по одному, по другому, — сгорели, утонули, или еще что, а так больше двух третей осталось.

добится потом для работы.

Май 1974 г.

Л. Ф. КИПИАНИ

ОРОГАЯ Любовь Федоровна, получил Ваше письмо и фотографии.

101—102) послужила писате-лю первотоликом для созда-ния в романе «Живые и мертвые» образа «маленькой докторици». Выдержки из от-ветного письма В. В. Тимо-феевой были опубликованы в отдельном изгании дневни-ков (см. стр. 112—114), Спасибо за то и другое. Думаю, что когда в будущем году я буду публиковать свои дневники полностью в большой двухтомной книге, я включу в эту книгу и одну из этих фотографий, связанных c памятью о Вашем муже 2 .

Ваше письмо меня глубоко тронуло и, по правде говоря, как-то заставило заново содрогнуться, вспомнив войну, где так близко стояла смерть и где никто из нас тогда, в сорок первом году, не знал своего будущего.

Я счастлив, что те строки, которые сохранились в моем дневнике о Вашем муже, дошли до Вас, попали к Вам в руки, доставили Вам несколько минут радости, смешанной с горем: понимаю, что вспоминать тяжело, но все-таки лучше, когда где-то на печатных

² О встрече К. Симонова с Ш. Г. Киппани см. К. Симонов. «Разные дни войны». Издательство «Молодая гвардия». М. 1977, т. І, стр. 93. В комментарий автор включна в отдельном издании дневиков выдержки из письма Л. Ф. Кипиани (стр. 106—107).

и составляю по ним кое-какой, Глубоко сочувствую Вашему видимо, довольно обширный, комментарий. Сижу в Военном желанию найти могилу мужа. Я буду говорить с работника архиве в Подольске Там я ми архивов, когда буду рабо нашел ряд документов того времени о действиях 53 дивизии, где Вы служили: да и по гою. Если мне удастся что-то знать — обещаю непременно собственной памяти, по расска-Вам сообщить, хотя, по правзам людей тогда, в июле сорок де говоря, поскольку речь первого года, я знаю, что по 53-й дивизии пришелся тяжкий идет о первых месяцах сорок первого года, надежда у меня удар, что судьба ее несколько дней была неизвестна и что части ее выходили в разных направлениях. Но документы документами, а я был бы очень благодарен Вам, если бы Вы попробовали вспомнить и написали мне, как все это происхо-ОРОГОЙ Валентин Фе дило в Вашем восприятии дорович, спасибо Вам за поздравление и вовот этот удар немцев через

все вышло наилучшим образом. У меня будет к Вам просьба.

Я сейчас занимаюсь своими

дневниками сорок первого года

страницах эта память об ушед-

шем, о доблестно сражавшемся

человеке запечатлена - пусть

коротко, но запечатлена.

гать дальше над своею

4.III.1975 r.

нением.

В. Ф. ЧУРАКОВУ

обще спасибо за письмо. Я

прочитал его с большим вол-

Я тоже очень обрадовался,

когда выяснилось, что Валентина Владимировна Тимофеева

оказалась живой и здоровой.

считал пропавшими свои два

блокнота, написанные в июле сорок первого года. Сами по-

нимаете, что пропасть им было

немудрено. Вдруг каким-то чу-

дом они нашлись, и в них ока-

зались записаны подробности, которые позволили мне наде-

яться, что можно будет разыс-

кать Тимофееву или хотя бы ее

родственников.. А теперь сара-

товские товарищи помогли, и

⁵ Встреча в июле 1941 года с В. В. Тимофеевой (см. «Раз-ные дни войны», т. I, стр. 101—102) послужила писате-

июльские дни. Я прочитал также в архиве дальнейший славный боевой путь дивизии, но об этих тяжелых днях там сказано буквально несколько фраз. Причем таких, я бы сказал, приукрашивающих положение и не слишком близких к действительности. А мне хотелось бы иметь как можно больше свидетельств о гом, как все это было в действительности в те дни - и с хорошим, и с плохим, со всем, что тогда было. Буду рад, если Вы выберете время и напишете

Днепр и все последующее. Как

долго длилось сопротивление,

когда начали отступать, куда

Буду ждать Вашего письма. А Вам одновременно с письмом посылаю на память «Живые и мертвые» и крепко жму Вашу руку...

9.XII.1965 r.

А. И. ПОЛОСУХИНУ

ОРОГОЙ Антон Ивано-

Д вич! Получил Ваше письмо и прошу великодушно простить меня, что отвечаю с таким большим опозданием. Дело в том, что несколько месяцев не был в Москве и только сейчас разобрал пришедшую за это время почту.

тых дивизий на Западном фронте и в 5-й армии Говорова в частности. В нее часто ездили корреспонденты, и к тому имелись все основания. Я был в ней, если не ошибаюсь, дважды. Но с Вашим братом встретиться мне не удалось, Я очень хотел познакомиться с ним и надеялся на это, приехав в первый раз в дивизию. Но когда я был на командном пункте дивизии, он был где-то в другом месте, в каком-то из полков, а потом пришло потрясшее всех сообщение о том, что он убит. Черный полушубок мне врезался в память потому, что о нем при мне говорили тогда, — что вот убили его из-за этого темного или черного (мне врезалось в память, что черного) полушубка. что этот полушубок резко выделялся на снегу. Конечно отходили, в общем - вот эти нельзя сказать, насколько это соответствует действительно-сти; может быть, и скорее всего даже, полушубок тут ни при чем. Но когда теряют дорогого человека, то товарищи обычно в такие минуты все еще думают о том, что он мог бы быть жив, не пойди он туда-то, или нагни он голову, или будь подругому одет... Это психологи-

Дивизия, которой командо-

вал ваш брат, Виктор Иванович Полосухин ⁴ была в зиму 41/42

года одной из самых знамени-

Потом я был в дивизии еще раз, в одном из полков, разговаривал с комиссаром дивизии. если не ошибаюсь, т. Марты новым, и слышал много хорошего о Вашем брате, о нем вспоминали все время, без его имени не обходился ни один разговор. да и дивизию попрежнему называли Полосухинской

чески очень понятно.

Вот и все, что я могу Вам сказать по этому печальному поводу. Спасибо за присланный мне

Вами отзыв Вашего брата о моей книге — мне дорог этот

31.VIII.1965 r.

* О посещении дивизии, которой командовал В. И. Полосухин, см. К. Симонов, «Разные дни войны». Издательство «Молодая гвардия». М. 1977. т. II, стр. 52—55, 102.

Публикация Л. ЖАДОВОЙ и Л. ЛАЗАРЕВА

«..... БУДУ ПИСАТЬ O BO что буду писать об этом и пос-Я сейчас написал ей и жду от нее ответа 3. Дело в том, что я

Из писем К. М. Симонова первых, я до конца войны ча-

уже в «Красную звезду», и поехал в недельную поездку еще раз на Западный фронт (в таком сложном положении придя в «Красную звезду». но еще не уйдя из «Изве-стий»), то мы договорились, как ты помнишь, что в «Известия» я в эту поездку напишу корреспонденции, а для «Красной звезды» — стихи, что и отражено в моем дневнике военном. И в эту поездку я, действительно, написал одну или две последних корреспонлениии в «Известия», а для «Красной звезды» написал две баллады, помнится, о летчике Терехине и еще одну — о наводчике Полякове.

Когда возникла идея ехать в поездку от Черного до Баренцева моря — на юг, то уже речь о стихах не шла, и я себя рассматривал, и, я думаю, и ты меня рассматривал как корреспондента. Со мной ехал фотокорреспондент, предполагалось, что мы будем писать о том, что видели, и давать к этому снимки.

Так это естественным образом произошло, просто я думаю, что дело тут в потребностях газеты и потребностях реальной войны, потому что сюжетные стихи меньше интересовали, наверно, в общем, читателей, чем очерки, чем корреспонденции, а потом сюжетные стихи не по каждому поводу и не всегда напишешь, это можно раз в месяц писать, а корреспонденцию надо -сегодня увидел, сегодня же написал, дал в номер — вот это все продиктовало такой переход на журналистику, в общем, с поэзии не на прозу, а на журналистику, на еже-дневную работу на газетный лист очерком, корреспонден-

Что еще добавить к этому? Ну, стихи я продолжал писать в годы войны, но военных-то, стихов у меня очень мало, это больше лирические стихи, больше стихи о любви, а военные стихи рождались тогда, когда что-то уж такое происходило, что требовало именно такого вот отклика, взрыва каких-то чувств, которые существовали во мне, и хотелось выразить его именно стихами. Ну, вот так получились «Открытое письмо». «Убей его», «Безымянное поле», то есть в сущности, это была, я бы сказал, поэтическая публицистика на самые больные и острые темы войны, она получалась — лучше, хуже, но смысл ее был в этом. И она где-то смыкается с какими-то лирическими и публицистическими местами в прозе, если взять, скажем, можно найти переочерки, кличку между этими стихами и теми же корреспонденциями, которые я писал в «Красную звезду», в тех случаях, когда в них такое публицистическое бывало, проявляло начало

Второй вопрос: когда и по-

чему я стал вести дневник? На Халхин-Голе я дневника не вел и очень жалею об этом, но ряд записей у меня сохранился, я еще до сих пор их не пустил в дело даже. Сохранились в том числе записи, связанные с допросами японских пленных и так далее, кое-что интересное там есть.

Ну, с самого начала войны во фронтовые блокноты многое записывалось, главным образом то, что казалось нужным для корреспонденции, но то вещи, которые хотелось так сказать, не забыть, потом над ними подумать, может быть, написать какие-то строчки, связанные с теми или иными наблюдениями, которые могут пойти в корреспонденцию. могут не пойти, неизвестно, но надо записать.

Вот, собственно, такого рода записи я и вел всю войну. Постепенно они стали пополняться подробными рассказами людей, с которыми я говорил, причем я старался их записывать от первого лица, то

есть так, как именно рассказывал человек, писал я очень быстро, не стенографически, но близко к этому, и записывал точно то, что мне рассказывали. Это составило содержание значительной части моих блокнотов, которых было, в общем, около ста, насколько я помню, из которых около семидесяти сохранилось. А где-то уже после начала нашего наступления под Москвой, когда я уже писал пьесу «Русские люди», и, возможно, потому, что я почувствовал, насколько для меня важно то, что я видел на фронте, для того, чтобы написать эту пьесу, что я бы ее не написал, если б за этим не увиденное, быть, это еще как-то меня подтолкнуло к ощущению, что надо бы в какой-то форме записать поподробнее все то, что я видел и чего я пока не забыл. И вот весною - в марте, в апреле, да, главным образом, в марте, в апреле - я продиктовал Музе Николаевне Кузько у нас же в редакции, в ночные часы, в значительной мере в часы дежурств стенографических, продиктовал, очень торопясь, продиктовал подневную запись войны за июнь, июль, август, сентябрь, примерно включая сенвозвращение с юга; диктовал я это день за днем, не проверяя себя, иногда, может быть, где-то путая даты,но все они сидели в памяти, а кроме того, у меня, передо мной было много блокнотов, и я их - они последовательно тогда шли, ни один из них еще тогда не был потерян, потом многие потерялись, и я перелистывая их, восстанавливал по памяти как все происходило, иногда к ним и не прибегал, потому что очень отчетливо это помнил, диктовал день за днем, очень помногу, ло, по-моему, трехсот пятидесяти или четырехсот страниц вот этого, так называемого. дневника. В общем, это дневник, поскольку это подневная запись, но сделанная весной, в марте — апреле 42-го года то есть с позиции человека, который уже ощутил, что мы можем бить немцев, уже видел битву под Москвой, и

сяцев, в других — всего пять-шесть. Вот такова дистанция. Дальнейшие дневники, ко-41-го года — начало — вот это дневник сплошной, который идет без пропуска ни одного дня, вел в следующие моменты загишья, где-то в разные времена, когда возникала возможность, кусочками диктовал и где-то к началу 43-го года начале 43-го года я и эту гетрадь закончил.

какую-то имел дистанцию с

начала войны — значит, от

событий, которые описаны в

дневниках и до гого времени.

когда записывались они, про-

шло — в одних случаях 8 ме-

А дальше — в разное время по-разному выходило. Об этом я рассказываю в предисловии к дневникам.

Еще кусок наиболее подробных дневников относится к 45-му году, это то, что во-шло в книгу «Незадолго до гишины» — там я имел возможность, возвращаясь командных пунктов или с передовой, вообще оттуда, где я был, диктовать ночами, диктовать на стенограммы, иногда прямо на машинку, диктовать туда прямо с записных книжек перекочевывали в ту же ночь или на следующую, появляясь как дневник на машинке очень быстро. Поэтому там очень точные записи, очень точные и подробные.

А в остальное время по-разному бывало, с разной мерой подробности, с разным разры вом во времени от событий к записи, по-разному происходи-

Третий вопрос: как я стал диктовать корреспонденции? Ну, бывало по-разному. Во-